

Англолизация русского языка как экологический процесс

1. Введение

Традиционно функцию письма видят в репрезентации звукового языка как кода, используемого для передачи информации в процессе коммуникации. Этот не подкрепленный эмпирическими данными взгляд на сущность языка, известный как *языковой миф* [13], институционализирован в лингвистике как научной дисциплине и лежит в основании идеологии образования в развитых странах с исторически сложившейся письменной культурой. Языковой миф ответственен за рост уровня функциональной неграмотности в современном обществе [15], что влияет на индивидуальную и социальную когницию как адаптивное поведение в консенсуальной области координированных взаимодействий.

В биологии познания (biology of cognition) и языка [18; 19] языковые взаимодействия как координированное интеракционное поведение выполняют ориентирующую функцию. Наблюдаемое в последние 20 лет взрывное распространение англицизмов, особенно в различных публичных текстах, чья изначальная функция состоит в определенном ориентировании читателя, говорит о происходящих изменениях в оценке ориентирующей значимости английского языка для говорящих на русском как родном. Масштабный процесс заимствования из английского, когда элементы русского языка разных уровней и разной сложности без видимых на то причин вытесняются английскими аналогами и в речи, и в письме, охватывает все большие области языковых взаимодействий. Этот процесс можно рассматривать как начальную фазу гибридизации языка и культуры [1; 6]. В статье предпринимается попытка выявить причины этого явления и обрисовать возможные последствия для русского языка и культуры [2].

2. Функция письма в живых системах третьего порядка

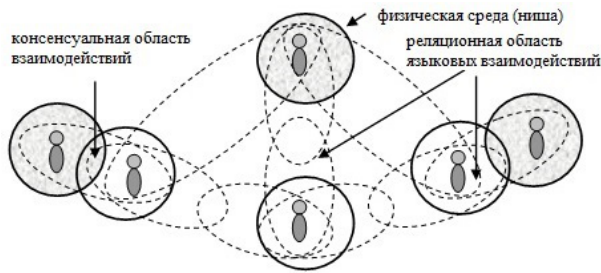
В биокогнитивной философии языка [5] значение рассматривается как динамическое отношение между организмом и его средой; в каждый отдельно взятый момент оно определяется той значимостью, которую аспекты среды имеют для организма [4]. Результат когнитивных усилий интерпретатора языковых знаков зависит от того, как различные параметры ситуации соотносятся с коммуникативным опытом [16], при этом в качестве объекта коммуникации выступает не референциальное положение дел в объективной реальности, а координация действий между взаимодействующими когнитивными агентами, поэтому ключевыми понятиями становятся ориентирование другого, контекст, взаимодействие и семиотическое опосредование [17].

Речь и письмо служат своеобразными *опорами*, которые мы используем при ориентировании себя и других в когнитивной области взаимодействий. На языковую деятельность накладываются жесткие ограничения как нашей способностью учитывать те или иные обстоятельства, так и нашими умениями использовать большое количество куль-

турных конструкторов [9]. Среди многих культурных артефактов, которые мы используем, письмо является самым интригующим: его симбиотическую связь с естественно-языковой деятельностью и степень влияния – как в когнитивном, так и эволюционном аспекте – на людей еще только предстоит оценить [10]. Тем не менее уже ясно, что письмо и чтение как виды деятельности играют решающую роль в когнитивном развитии человека [11]. В отличие от естественно-языковой деятельности, расширяющей человеческий сенсориум [21], письмо является системой для сохранения и извлечения опыта и знания, накапливаемого человечеством [12]. Овладев навыками письма, мы получаем возможность «сбрасывать» когнитивный груз на материальные артефакты и позднее использовать их во взаимодействиях со своим собственным познающим «я». В то время как естественно-языковая деятельность характеризуется *воплощенностью* и *распределенностью*, письмо порождает культурные артефакты – предложения и тексты. В отличие от речи они оказывают влияние на индивидов и сообщества в *историческом* и *эволюционном* масштабе.

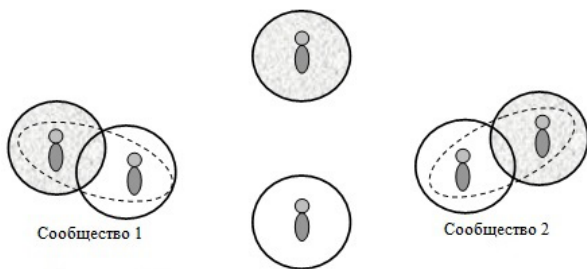
В современной науке текстотворчество все чаще рассматривается как важная часть коэволюционного развития человека [см. 12], поскольку тексты опосредуют передачу опыта между поколениями и сообществами. Тексты определяют важнейшие аспекты человеческой жизни: с эволюционистской точки зрения письмо помогает преодолеть пространственно-временные ограничения естественно-языковой деятельности, оно становится для нас вневременной экзистенциальной средой. В биологии познания человеческие индивиды являются живыми системами второго порядка, а человеческие сообщества – системами третьего порядка, и поскольку организация последних как систем все больше зависит от текстов, порождаемых этими системами, появление письменности ведет к возникновению *новой экологии* (см. [8]). Если рассматривать общество как единство взаимодействий, становится очевидной решающая роль языковой экологии в поддержании этого единства.

Живая система третьего порядка поддерживает свою целостность через реляционную область языковых взаимодействий (Рис. 1). В такой системе человеческие индивиды, каждый из которых находится в своей специфической физической среде, устанавливают консенсуальные области взаимодействий с другими. Поскольку консенсуальные области включают в себя языковые взаимодействия, их совокупность порождает реляционную область, превосходящую своими размерами физические границы ниши, занимаемой каждым индивидом в окружающей его среде. Благодаря этому индивиды могут координировать свое поведение относительно событий, протекающих за пределами их непосредственного физического окружения, расширяя тем самым свою когнитивную нишу.

Рисунок 1 – Сообщество индивидов как единство языковых взаимодействий

Сохранение и поддержание реляционной области предполагает сохранение ее пространственно-временной непрерывности. Если же связи между индивидами в их областях коммуникативных взаимодействий обрываются на длительный период времени, единство сообщества разрушается, и одна живая система распадается на две или более меньших систем (Рис. 2). В таких случаях принято говорить о возникновении диалектов, которые с течением времени могут развиваться в новые языки, ассоциируемые, соответственно, с новыми сообществами/культурами/нациями.

Рисунок 2 – Распад живой системы третьего порядка как единства языковых взаимодействий

Однако письмо, как связующая среда для языковых взаимодействий в пространстве-времени, позволяет предотвратить подобный распад языкового сообщества. Культуру, понимаемую в широком смысле как интегрированную структурированную совокупность человеческих знаний, верований и поведения, определяемую способностью к символическому мышлению и социальному научению, можно рассматривать как непрерывное эволюционное пространство, порождаемое реляционной областью взаимодействий системы третьего порядка. Эта реляционная область решающим образом определяется языковой деятельностью как интегрированным интеракционным поведением сложной динамики, имеющим место в консенсуальной области и подразумевающим использование различных артефактов и практик. В письменную эру адаптивная ориентирующая деятельность людей начинает все больше зависеть от «мира на бумаге» [22]. Письмо как культурный артефакт опосредует взаимодействия систем третьего порядка в их реляционных областях, приобретая ни с чем не сравнимую значимость для обеспечения непрерывности культурного пространства и становясь жизненно важным инструментом для усиления когнитивных способностей человека. Суммарный опыт

взаимодействий в текстовом поле языка определяет степень функциональной встроенности индивида в живую систему третьего порядка как результат ориентации на ценности и практики, характерные для его культуры.

С учетом происходящих сегодня процессов, когда взаимодействие между разными культурами начинает оказывать влияние на экологию языковых взаимодействий в том или ином конкретном обществе как живой системе, эволюционный аспект таких изменений заставляет задаться вопросом о сохранении целостности системы, подвергающейся такому влиянию. В то время как в онтогенезе такая целостность поддерживается устной традицией и преданием, в филогенезе именно письмо как культурный артефакт связывает поколения языковых сообществ в исторические общности. С точки зрения биологии языка наблюдающийся процесс гибридизации русского письменного языка с английским может иметь серьезные последствия как для индивидов, так и для общества в целом, рассматриваемых как живые системы.

3. Гибридизация письменных систем

Еще в начале XX в. англицизмы составляли лишь 2,57% от всего словарного состава, однако к 2000-му году их число выросло до поразительной цифры в 25% [3]. С одной стороны, англицизмы получили широкое распространение в СМИ и популярной модной литературе и широко используются в речи молодежи. С другой стороны, они оказываются вездесущими в различных публичных текстах. Употребление англицизмов в таких текстах можно разделить на две основные категории (таблица 1): (1) слова и тексты, являющиеся английскими на 100% (Рис. 3), и (2) различные типы гибридов. Гибриды можно разделить на следующие виды: (2а) гибридные тексты, состоящие частично из английских и частично из русских слов и предложений (Рис. 4); (2б) полные транслитерации, к которым относятся: (2б') русские слова, написанные латиницей (Рис. 5), (2б'') английские слова, написанные кириллицей (Рис. 6); (2в) частичные транслитерации – русские слова, в которых одна или несколько букв заменены буквами из английского алфавита (Рис. 7); (2г) неологизмы (Рис. 10а, б).

Рисунок 3

Рисунок 4

Рисунок 5

Таблица 1

Разные типы англицизмов в анализируемой выборке публичных текстов

Всего, %	(1) 100% английские слова/ тексты	(2) Гибриды				
		(а) Гибридные тексты	(б) Полная транслитерация		(в) Частичная транслитерация	(г) Неологизмы
			(б') Русские слова на латинице	(б'') Английские слова на кириллице		
100	16,0	40,7	18,2	15,0	8,6	1,5

Таблица 2

Частотность английских букв в графических гибридах

Буква кириллицы и ее абсолютный ранг*	Английская замена	Частота замены (% от всех английских букв в выборке)	Буква кириллицы и ее абсолютный ранг	Английская замена	Частота замены (% от всех английских букв в выборке)
А 3	A a	14,5	Р 8	R r	7,5
Б 21	B b	2,5	С 7	S s	6,7
В 9	V v	3,2	Т 6	t	6,9
Г 19	G g	2,6	У 15	U u/y /oo /ou	1,6 / 0,3 / 0,1 / 0,1
Д 13	D d	4,7	Ф 31	F f	2,9
Е 2	E e	4,3	Х 24	H h	0,1
Ё 33	--	--	Ц 28	zz / ts	0,1 / 0,1
Ж 25	G g / zh	0,1 / 0,1	Ч 22	ch	0,3
З 20	Z z	2,6	Ш 26	sh	0,3
И 4	I i / ee / y	6,2 / 0,1 / 0,2	Щ 29	--	--
Й 23	Y y	0,3	Ъ 32	--	--
К 11	K k / c / ck	4,8 / 1 / 0,1	Ы 17	I i	0,1
Л 10	L l	4,3	Ь 18	--	--
М 12	m	3,4	Э 30	E e	0,5
Н 5	N n	5	Ю 27	U u	0,1
О 1	O o	8,6	Я 16	ya / a	0,4 / 0,1
П 14	P p	2,8			

*См. [6].

Рисунок 6

Рисунок 7

В Таблице 1 приведены некоторые предварительные количественные данные по разным типам заимствований из нашей выборки объемом 750 публичных текстов. Различные виды гибридов составляют 84%. С учетом высокой динамики происходящего процесса заимствования можно не без основания ожидать дальнейшего роста гибридизации.

Особый интерес представляют случаи частичной транслитерации – тенденция заменять одну или несколько букв в русском слове их графемными соответствиями из английского алфавита. В нашей выборке английские буквы встречаются чаще в начальной позиции (47%), чем в конечной (31%) или срединной (22%). Анализ двухсот графических гибридов, взятых наугад из нашей выборки, показал следующую частотность такой замены (таблица 2).

На первый взгляд может показаться, что включение английских букв в графическую структуру русских слов – всего лишь средство привлечь внимание, особенно когда это одна или две буквы, и графический образ слова по-прежнему легко узнаваем (Рис. 7). Однако иногда бывает очень трудно даже для лингвистически образованного носителя русского языка узнать с первого, или даже со второго взгляда графически замаскированные русские слова, такие, например, как призванные быть «говорящими» имена *Золотов* и *Серебров* в названии ювелирного магазина (рис. 8); в результате утрачивается ориентирующая функция вывески как публичного текста.

В вывесках часто используется другой вид «говорящих» слов, когда русское существительное с конкретным предметным значением превращается в

англизированной фамилию с помощью английской графемы *–off*, которая исторически является транслитерацией русского суффикса *–ов*, типичного для русских фамилий (Рис. 9). В результате такой трансформации эти слова утрачивают падежное склонение, тем самым выпадая из морфологической парадигмы русского существительного. С другой стороны, некоторые английские заимствования, например, названия торговых марок, используемые как конкретные существительные – в особенности в автомобильном секторе – начинают склоняться, принимая регулярные для русских существительных падежные флексии, дополненные апострофом, ср.: *NISSAN'a стало больше*. Таким образом, процесс языковой гибридации проникает на более глубокие уровни, чем просто лексический, влияя уже и на элементы грамматической системы.

Рисунок 8

Рисунок 9

Особый интерес представляют гибриды-неологизмы – вновь созданные слова, в которых скрещивание русского с английским имеет более сложный характер. На вывеске, представленной на рис. 10а, за написанным кириллицей английским словом *pub* следует написанное английскими буквами слово *beerloqa*. Автор вывески, по-видимому, хотел скрестить английские *beer* ‘пиво’ и *beag* ‘медведь’ с русским *берлога* (рис. 10б), однако плохое знание английского вообще и английского алфавита в частности (неразличение между буквами “g” и “q”) приводит к созданию кажущегося английским псевдослова, которое не может быть адекватно понято/интерпретировано носителем английского языка. Аналогичным образом носитель английского языка не увидит в названии “BARDUCK” ‘БАРУТКА’ (Рис. 11) заложенного автором значения, если он не знаком с весьма специфическим употреблением в современном русском языке слова *бардак* в значении «полный беспорядок». Плохое знание английского видно на примере множества неаутентичных псевдоанглийских текстов в публичных текстах (см. [6]). Более того, невежественные попытки скрестить уже устоявшиеся англицизмы, такие, как, например, *second-hand (shop)* «магазин поношенных вещей» и *stock shop* «магазин-склад», дает на выходе названия,

которые просто невозможно интерпретировать каким-либо приемлемым образом. Так, название магазина *STOCK HAND market* (рис. 12) англоговорящий читатель может проинтерпретировать лишь как «рынок (market) складских рабочих (stock hand)» – сочетание слов, лишённое смысла.

Рисунок 10а

Рисунок 10б

Рисунок 11

Рисунок 12

Рисунок 13

Нарастающий процесс заимствований идет дальше и глубже, он начинает эксплуатировать словообразовательные модели и механизмы, характерные для английского, но чуждые русскому языку. Так, по аналогии с номинацией *sightseeing tour* «тур по примечательным местам» запущены в оборот новые лексические единицы, такие, как *шоп-тур*, *шуб-тур* и т.п. Заметим, что русские неологизмы представляют собой полные транслитерации соответствующих английских слов, взятых по отдельности, но как сложные номинации они не являются транслитерацией существующих английских слов **shop-tour* или **fur coat tour*. Но если слово *шоп-тур* вполне понятно для лингвистически непросвещенного носителя русского языка (*тур* – давно ассимилированное заимствование, а *шоп*, несмотря на свою новизну, используется чрезвычайно часто и потому знакомо всем), название типа *ЛинзаЛайн* оказывается для читателя настоящей загадкой – за исключением, возможно, самого владельца магазина (рис. 13). Этот окказионализм создан по продуктивной для английского языка словообразовательной модели N+N и состоит из русского слова линза (которое на самом деле является давним ассимилированным заимствованием) и кириллической транслитерации английского слова *line* ‘линия’. Однако если читатель не знает английского слова *line*, он вряд ли поймет, что означает слово *ЛинзаЛайн*. Но, как мы собираемся показать, лингвистически осмысленная интерпретация такого рода образований англичанином или говорящим по-английски русским **и не ожидается**. Подобное языковое творчество уже не имеет отношения к банальному процессу заимствования, обусловленному так называемыми понятийными лакунами в русском языке. Оно связано с той **ценностью**, которую автор текста приписывает английскому языку, и **ориентирующей функцией** этой ценности в современном российском обществе.

4. Англизированные тексты как фактор языковой экологии

Большинство англицизмов в публичных текстах встречается в вывесках предприятий и компаний, занятых в индустрии развлечений (20% из выборки), в секторе пищевой промышленности и обще-

пита (13%), в косметической (9%) и легкой промышленности (9%). Это вполне объяснимо, так как, по некоторым оценкам, Россия сегодня импортирует до 70% продовольствия, 80% одежды, а большая часть рекламного времени в сетке вещания российских телекомпаний отдается лицензированным или клонированным западным развлекательным программам и американским фильмам. Это создает плодородную почву для семян западной (хотя бы и в чисто поверхностном ее проявлении) культуры – во всяком случае, в ее потребительской разновидности. И все же вопрос, почему английский язык в различных проявлениях нужно использовать в вывесках и рекламе магазинов и компаний, остается, особенно учитывая тот факт, что русские города в подавляющем большинстве не являются центрами мирового туризма, а количество англоговорящих граждан, которые, предположительно, могли бы увидеть и прочитать вывеску типа той, что показана на Рис. 3, практически равно нулю. Более того, вывески и щиты, выполненные полностью на английском языке, рекламируют не английские или американские предприятия и компании: за очень редким исключением, это на 100% местные русские компании. Нельзя также сказать, что среднестатистический гражданин России является билингом, способным прочитать и понять публичные тексты на английском языке – в отличие от граждан многих европейских стран. С учетом прагматической функции таких текстов – а именно, привлечь потенциального покупателя, сообщив ему что-то о предлагаемом товаре или услуге – налицо явный когнитивный диссонанс, поскольку изначальная ориентирующая функция публичного текста приносится в жертву чему-то, что, в соответствии с нашей гипотезой, обладает большей ориентирующей ценностью.

Рассмотрим пример русской компании (каковой она была до недавнего времени) по производству пищевых продуктов *Вимм Билль Данн*, основанной в 1992 г. Несмотря на то, что название компании можно принять за транслитерацию английского названия, это всего лишь набор псевдослов, лишенных какого-либо смысла. Однако, хотя основатель компании С. Пластилин в интервью газете «Ведомости» отрицал наличие какой-либо связи между названием компании и английским топонимом Wimbledon (район на юго-западе Лондона, известный благодаря проводимому там Уимблдонскому теннисному турниру), вряд ли такое сильное фонетическое совпадение можно считать случайным. Согласно другим источникам в СМИ, название, похожее по звучанию на английское, было выбрано потому, что после распада Советского Союза и последовавшей за этим полнейшей неразберихи в политике, экономике и культуре, пришедшей на смену жесткому идеологическому контролю во всех сферах советской жизни, русский народ сделал поворот «кругом», раскрыв широкие объятия для западной – т. е. англо-американской – культуры, на которую смотрели как на панацею от всех проблем, одолевавших русское общество в постсоветский период. Продукт с навешенным на него иностранным названием по определению воспринимался как превосходящий русское по качеству. Одним из первых продуктов компании *Вимм Билль Данн*, завоевавшим

российский рынок и продолжающим успешно удерживать позиции, был апельсиновый сок «J7» – на 100% российский продукт с английским названием, не имеющим смысла.

Предпочтение, отдаваемое всему англо-американскому, проявляется и в том, как воспринимаются английские названия компаний по сравнению с русскими. Проведенный нами небольшой опрос общественного мнения относительно ожиданий, связанных с английскими названиями, показал, что, например, кафе с английским названием «*CHOCOLATE*» воспринималось как заведение с высоким (или, как минимум, средним) уровнем обслуживания, тогда как уровень услуг и цен в кафе с русским названием «*ШОКОЛАД*» характеризовался как не выше среднего. Результаты этого же опроса показали, что для многих молодых людей английское название на вывеске связано исключительно с положительными ассоциациями («привлекательно», «современно», «интересно»), в то время как русское название зачастую ассоциируется со скукой и непритязательностью. Хотя рано делать окончательные выводы на основе подобных предварительных данных, все же можно считать, что проведенный опрос показал следующее: для современной российской молодежи поверхностные знаки англо-американской культуры предстают как более привлекательные и заслуживающие большего доверия, приобретая **большую ценность**. Таким образом, движущей силой происходящих языковых изменений оказывается *ориентация на иную культуру с ее специфической системой ценностей*, сопровождаемая отказом от традиционных ценностей, включая и ценность русского языка.

В историческом и эволюционном масштабе языковая деятельность индивидов и общества, регулируемая определенными нормами и практиками, и *есть проявление культуры, способ и форма ее существования*. Приобщение к иной культуре, погружение в нее происходит через языковые нормы и практики, характерные для этой культуры – именно через них осуществляется ассимиляция иной системы ценностей, которая может вступать в конфликт с изначальной системой ценностей вплоть до полного вытеснения последней. Такие изменения могут быть вовсе не очевидными; тем не менее, проявляясь в наблюдаемых языковых изменениях, они помогают увидеть их общее направление и сделать осторожные прогнозы возможных последствий таких изменений на исторической шкале времени, особенно когда такие изменения затрагивают системные черты письменного языка.

В отличие от разговорного языка как воплощенных диалогических взаимодействий в реальном пространстве-времени, направленных на адаптивное координирование поведения в консенсуальной области, тексты в современном обществе являются культурными артефактами, предназначенными для поддержания реляционной области координированных взаимодействий между людьми в их когнитивной нише в культурном, историческом и эволюционном временном масштабе. Эта область обеспечивает единство языкового сообщества как живой системы, распределенной в пространстве и времени; она образует экологическую нишу, обеспечивающую исто-

рическую и эволюционную целостность общества с характерной для него культурой [23]. Это единство поддерживается общим разделяемым опытом языковых взаимодействий между индивидами как основой для понимания. В обществах с письменной культурой тексты и практики использования письма играют решающую роль в поддержании культурно-специфического образа жизни; они поддерживают создаваемый людьми виртуальный мир с только ему свойственной системой ценностей и общественных практик, и именно в этом мире мы становимся людьми, принимая «языковую стойку» [10].

5. Заключение

Наблюдаемая сегодня гибридизация русского языка с английским чревата серьезными изменениями для системы ценностей, характерной для русской культуры, поскольку сутью языковой деятельности является установление и реализация ценностей как когнитивных (жизненных) ориентиров [14]. Современная ситуация в России отличается от тривиальных языковых изменений, вызываемых обыденными межкультурными контактами. В современной России английский язык все меньше воспринимается как по-настоящему иностранный язык, связанный с особой культурой; он активно интегрируется в реляционную область индивидов, говорящих и пишущих на русском как на родном, как язык, ассоциируемый с «лучшей жизнью». Авторы мозолящих глаза публичных текстов злоупотребляют пластичностью языкового поведения людей, ослабляя ориентирующую функцию текстов как адаптационной черты когнитивной ниши человека. Там самым ставится под угрозу целостность общества как исторической живой системы.

Ничем не ограниченное взаимодействие разных культур вкупе с устаревшей верой объективного реализма в онтологическую независимость языка и когниции и дезориентирующей идеологией политики языкового космополитизма порождает новые проблемы, связанные с когнитивным развитием отдельных языковых культур за пределами англо-американского мира. Для этих культур вполне реальной становится угроза утраты собственной уникальности вплоть до полного растворения в иной культуре – как это уже не раз бывало в новой и новейшей истории. Сегодня русское общество с его богатым языком и культурой широким шагом идет к утрате своей индивидуальности и превращению в ничем не примечательный феномен на задворках глобальной англо-американской когнитивной области. Для того чтобы если уж не остановить, то хотя бы обозначить возможные результаты описанного выше процесса, необходимо изучить продолжающуюся гибридизацию языка с точки зрения биологии языка и когниции, уделяя особое внимание роли языковых взаимодействий в реляционной области текстового поля языка, которое образует особую экологическую (культурно-историческую) нишу русского общества как живой системы. В противном случае мы вполне можем оказаться в том месте, на которое указывает рекламный плакат одного из ночных клубов в российской глубинке (Рис. 14).

Рисунок 14 – Реклама российского ночного клуба

Библиографический список

1. Бойко С.А. Russian + English = Runglish? // Современные проблемы взаимодействия языков и культур. Матлы междун. форума, 14-15 декабря 2012 г. Ч. I. Благовещенск: АмГУ, 2012. С. 33-38.
2. Бойко С.А. Англицизмы в современном русском языке: что и зачем заимствуется? // Известия ИГЭА. 2012. № 2. С. 232-235.
3. Володарская Е.Ф. (2002). Заимствования как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 102-104.
4. Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения // А.В. Кравченко (ред.), Язык и познание: методологические проблемы и перспективы (Studia linguistica cognitiva. Вып. 1. М.: Гнозис, 2006. С. 308-361.
5. Кравченко А.В. Знак, значение, знание: очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Ирк. обл. типогр. № 1, 2001. 261 с.
6. Кравченко А.В. Взаимодействие культур и гибридизация языка // К. Янашек, Й. Митурска-Бояновска, Р. Гаваркевич (ред.), HOMO COMMUNICANS: человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин: GRAFFORM, 2012. С. 80-86.
7. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка. М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 25.11.2013).
8. Bang J.C., Door J., Steffensen S.V., Nash J. Language, Ecology and Society: A dialectical approach. London: Continuum, 2007. 232 p.
9. Cowley S.J. The cognitive dynamics of distributed language // Language Sciences. 2007. Vol. 29. P. 575-583.
10. Cowley S.J. Taking a language stance // Ecological Psychology. 2011. Vol. 23(3). P. 1-25.
11. Cunningham A.E., Stanovich K.E. What reading does for the mind // Journal of Direct Instruction. 2001. Vol. 1(2). P. 137-149.
12. Donald M. Origins of the Modern Mind: Three stages in the evolution of culture and cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 413 p.
13. Harris R. The Language Myth. London: Duckworth, 1981.
14. Hodges B.H. Ecological pragmatics: Values, dialogical ar-

- rays, complexity and caring // Pragmatics and Cognition. 2009. Vol. 17(3). P. 628-652.
15. Kravchenko A.V. Speech, writing, and cognition: the rise of communicative dysfunction // W. Oleksy and P. Stalmaszczyk (eds.), Cognitive Approaches to Language and Linguistic Data. Studies in honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2009. P. 225-240.
16. Kravchenko A.V. Native speakers, mother tongues, and other objects of wonder // Language Sciences. 2010. Vol. 32(6). P. 677-785.
17. Linell P. Dialogicality in languages, minds, and brains: Is there a convergence between dialogism and neuron-biology? // Language Sciences. 2007. Vol. 29(5). P. 605-620.
18. Maturana H.R. Biology of Cognition. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970.
19. Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality // G. Miller and E. Lenneberg (eds.), Psychology and Biology of Language and Thought. New York: Academic Press, 1978. P. 28-62.
20. Menary R. Writing as thinking // Language Sciences. 2007. Vol. 29(5). P. 621-632.
21. Morris C.W. Foundations of the theory of signs // O. Neurath, R. Carnap, and C.W. Morris (eds.), International Encyclopedia of Unified Science, Vol. 1, No. 2. Chicago: The University of Chicago Press, 1938.
22. Olson D.R. The World on Paper: The conceptual and cognitive implications of writing and reading. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 318 p.
23. Steffensen S.V. Language, languaging, and the extended mind hypothesis // Pragmatics & Cognition. 2009. Vol. 17(3). P. 677-697.

Works Cited

1. Boyko S. A. Russian + English = Runglish? // Sovremennye problemy vzaimodeystviya yazykov i kul'tur. Mat-ly mezh-dun. foruma, 14-15 dekabrya 2012 g. Ch. I. Blagoveshchensk: AmGU, 2012. S. 33-38.
2. Boyko S.A. Anglitsizmy v sovremennom russkomazyke: chto i zachem zaimstvuetsya? // Izvestiya IGEA. 2012. № 2. S. 232-235.
3. Volodarskaya E.F. (2002). Zaimstvovaniya kak otrazhenie russko-angliyskikh kontaktov // Voprosy yazykoznaneya. 2002. № 4. S. 102-104.
4. Zlatev Y. Znachenie = zhizn' (+ kul'tura): Nabrosok edinoy biokul'turnoy teorii znacheniya // A.V. Kravchenko (red.), Yazyk i poznanie: metodologicheskie problemy i perspektivy (Studia linguistica cognitiva. Vyp. 1). M.: Gnozis, 2006. S. 308-361.
5. Kravchenko A.V. Znak, znachenie, znanie: Ocherk kognitivnoy filosofii yazyka. Irkutsk: Irk. obl. tipogr. № 1, 2001. 261 s.
6. Kravchenko A.V. Vzaimodeystvie kul'tur i gibrizatsiya yazyka // K. Yanashek, Y. Miturska-Boyanovska, R. Gavarkovich (red.), HOMO COMMUNICANS: chelovek v prostranstve mezhkul'turnykh kommunikatsiy. Shchetsin: GRAFFORM, 2012. S. 80-86.
7. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M.: Azbukovnik, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (data obrashcheniya 25.11.2013).